

© С.С. Алымов, А.И. Гоголев

«Для этнографа поле является главным источником изучения прошлой и настоящей культуры». Интервью с А.И. Гоголевым

Ключевые слова: история антропологии, шаманизм, этногенез, якуты, А.И. Гоголев

Интервью С. С. Алымова с этнографом, доктором исторических наук А.И. Гоголевым посвящено научной биографии ученого и развитию этнологии в Якутии. В первой части А.И. Гоголев рассказывает о своем становлении как ученого в 1960–1970-е годы. Большое внимание он уделяет своим учителям, контактам с учеными Москвы и Ленинграда. Далее собеседники обсуждают изучение этногенеза якутов, шаманизма, развитие якутской этнологии и сотрудничество с зарубежными антропологами.

Гоголев Анатолий Игнатьевич – д. и. н, профессор кафедры всемирной истории и этнологии СВФУ им. М.К. Аммосова, вице-президент Академии наук РС (Я).

Алымов Сергей Сергеевич – старший научный сотрудник ИЭА РАН. e-mail: alymovs@mail.ru <https://orcid.org/0000-0001-9988-9556>.

Для цитирования: «Для этнографа поле является главным источником изучения прошлой и настоящей культуры». Интервью с А.И. Гоголевым // Антропологии/Anthropologies. 2024. No 1. С. 6-16, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2024-1/6-16>.

Сергей Алымов: Анатолий Игнатьевич, давайте начнем наше интервью с биографической части. Расскажите о ваших предках, семье, родителях, как они на вас повлияли как на человека и ученого.

Анатолий Гоголев: Родился я в год огненной змеи (по восточному календарю), когда началась Великая Отечественная война, 15 ноября 1941 г. в небольшом городке Вилюйск в семье служащих. В свое время здесь в неволе провел 12 лет своей жизни выдающийся мыслитель, революционер-демократ Н.Г. Чернышевский. Отец окончил Якутскую национальную военную школу, затем проходил годичную стажировку в пехотном училище в Хабаровске, далее работал в ОСОАВИАХИМе. Призван был летом 1942 г., к тому времени мне исполнилось семь месяцев. Сражался в частях 3-го Украинского фронта. Его не стало после третьего ранения во время операции в предновогоднюю ночь 31 декабря 1943 г. Впоследствии мы посетили эти места с семьей и нашли братскую могилу, в которой он был похоронен, как и десятки павших в тот день его однополчан. Мать в более ранние годы, проработав несколько лет секретарем окружного народного суда и выдержав все тяготы войны, в последующие годы выбрала стезю медицинского работника и посвятила все послевоенные годы работе в туберкулезном санатории. Среднюю школу окончил в 1960 г. в Вилюйске, вернувшись в нее обратно после Речного училища, оставив мечту о речном судоходстве. Около года я работал в совхозе, а уже в 1961 г. был призван в армию и прослужил четыре года в Дальневосточном военном округе в Приморье в частях, обслуживающих Тихоокеанский флот. Работы было много, в том числе связанной с разгрузкой военного оборудования. Однажды даже угораздило пострадать от несчастного случая и пробыть некоторое время на лечении в военном госпитале. Возможно, под влиянием этого происшествия мной овладело желание стать врачом, поэтому сперва я хотел поступить на медицинский факультет. Таким образом, почти четыре года я отслужил и приехал в Якутск в 1965 г.

Сегодня мне уже сложно сказать, почему, но по каким-то причинам в итоге я поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Якутского государственного университета. В тот год конкурс при поступлении был достаточно высокий, на одно место претендовали 19 человек. К экзаменам я подготовился основательно! В связи с этим даже решил повторно пройти программу десятого класса в вечерней школе при гарнизоне. Школа была в трех километрах от нашей части, и каждый вечер мне приходилось добираться туда на лошади. В университете я проучился четыре года. В 1965 г. учебный план на историческом отделении вузов был сокращен на один год и составил четыре года. Так получилось, что я и прослужил четыре года, и проучился столько же. В 1969 г. окончил историческое отделение Якутского государственного университета с красным дипломом и был рекомендован для поступления в аспирантуру по кафедре всеобщей истории.

С.А.: Расскажите, пожалуйста, про ваших учителей.

А.Г.: Во время учебы в университете и в последующие годы большое влияние на меня оказали корифеи науки и высшего образования профессора Г.П. Башарин, И.М. Романов. Ф.Г. Сафронов и Г.Г. Макаров. Основное направление деятельности Георгия Прокопьевича Башарина — история аграрных

отношений в Якутии, в связи с чем он исследовал большой круг вопросов, касающихся общественного строя, форм и эволюции собственности на скот и землю, земледелия. Иван Михайлович Романов занимался историей пребывания Н.Г. Чернышевского в вилюйской ссылке и изучением его мировоззрения в этот период. Центром научных интересов Федота Григорьевича Сафронова являлась история городов и русского населения Сибири. Гавриил Георгиевич Макаров — исследователь революции и гражданской войны начала XX в. в Якутии и на северо-востоке Сибири. Их исследования заложили основы научной концепции истории Якутии. Своей научной, преподавательской и практической деятельностью, занимая должности заведующего кафедрой, декана факультета, проректора по науке, они внесли весомую лепту в организацию и развитие высшего исторического образования в Якутии и воспитание новых поколений ученых: историков, этнографов и археологов.

С.А.: Они все историки были, этнографов не было?

А.Г.: Этнографов не было, но археолог был — Никита Деевич Архипов. До моей экспедиции функционировала археологическая экспедиция университета, которой руководил Н.Д. Архипов, один из первых профессиональных археологов, получивших специальное образование в МГУ. Впоследствии он стал доктором исторических наук. На последних курсах учебы в университете я участвовал в работе этой экспедиции.

К слову, с будущей женой мы познакомились в университете, учились в одной группе и поженились уже на втором курсе. Через два года у нас родился сын, впоследствии родилась дочь. В связи с семейными обстоятельствами мне пришлось уступить место в аспирантуре Н.Д. Архипову, пройти по конкурсу на должность ассистента кафедры и оформиться соискателем. Рукопись работы на тему «Историография верований и шаманства якутов (конец XVII — 50-е годы XX в.)» была завершена в 1972 г., а в феврале 1973 г. состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

С.А.: Как вы выбрали эту сложную во всех отношениях тему?

А.Г.: Когда я учился на третьем курсе, я познакомился с работой бурятского исследователя Тараса Максимовича Михайлова «Происхождение бурятского шаманизма», и меня эта тема очень заинтересовала. Сначала я написал дипломную работу, потом уже кандидатскую диссертацию об историографии верований и шаманства у якутов.

С.А.: Кто был вашим научным руководителем?

А.Г.: Научным руководителем моей кандидатской диссертации был д. и. н., профессор Георгий Прокопьевич Башарин, заслуженный деятель науки РСФСР и ЯАССР. С его именем связан особый этап исторической науки XX в. в Якутии. Это был крупный ученый, историк, организатор науки, видный общественный деятель. Биография ученого началась в годы Великой отечественной войны, когда после окончания пединститута им. Либкнехта в Москве он вернулся в Якутию и начал работать сначала в Якутском пединституте (ЯПИ), затем в НИИ языка и культуры. Работая заведующим фондами института, он познакомился с литературным творчеством незаслуженно забытых или

репрессированных дореволюционных якутских писателей: А.Е. Кулаковского, А.И. Сафронова и Н.Д. Неустроева, основоположников якутской литературы. В 1943 г. в Москве в Институте истории АН СССР он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. В 1944 г. она была опубликована в виде монографии под названием «Три якутских реалиста-просветителя (из истории общественной мысли дореволюционной Якутии)» и вызвала широкий общественный резонанс. Во второй половине 1940-х годов он прошел докторантуру при Институте истории АН СССР и в 1950 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора наук под названием «История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVIII — середина XIX в.)». Все бы ничего, но теперь на него самого завели т.н. «дело Башарина», обвинив в «буржуазном национализме», освободив от занимаемой должности заведующего кафедрой истории СССР в ЯПИ и лишив его докторской степени. Несколько лет было потрачено на то, чтобы восстановить свое доброе имя, честь и достоинство. Вспоминая об этих годах, он писал: «Мне помогли, за меня заступились мои учителя, русские ученые-академики...».

С наступлением хрущевской оттепели изменилась обстановка в стране. В декабре 1956 г. на ученом совете Института истории АН СССР Г.П. Башарин вторично защитил докторскую диссертацию. В тот же год на базе ЯПИ был образован Якутский госуниверситет. С середины 1950-х годов продолжилась его дивившаяся до конца жизни общественная, педагогическая и плодотворная научная деятельность в качестве профессора, заведующего кафедрой всеобщей истории. Г.П. Башарин является автором более 500 работ, из них 19 монографий. Им подготовлено около 20 кандидатов наук. В его работах затрагиваются многие вопросы этнографии якутов: их социальный строй и общественный быт, производственно-хозяйственные отношения, родственно-генеалогические связи, роль общины в социальном устройстве якутов, обычное право, социально-экономическое развитие якутского общества ко времени прихода русских, развитие материальной и духовной культуры якутов.

С.А. Расскажите, пожалуйста, как проходила ваша защита.

А.Г.: Она состоялась в Якутском государственном университете в совете по защите кандидатских диссертаций 27 февраля 1973 г. Председателем совета был д.и.н., профессор И.М. Романов. В качестве официального оппонента на защиту диссертации был приглашен профессор, д.и.н. Рудольф Фердинандович Итс, заведующий кафедрой этнографии и антропологии исторического факультета Ленинградского государственного университета. Защита прошла в актовом зале ректората университета (теперь это здание АН РС(Я)) в открытом режиме без всяких эксцессов. Все документы вовремя были отправлены в Москву для утверждения Высшей аттестационной комиссией, откуда через определенное время было получено уведомление о том, что документы приняты. Однако ожидание подтверждения защиты диссертации затянулось на более, чем полгода. На запросы отвечали, что ВАК ждет дополнительных рецензий на работу. Через два года после защиты, в марте 1975 г. меня пригласили на заседание ВАК, где сообщили, что на мою работу получен отрицательный отзыв (не стали уточнять откуда), и они вынуждены были отправить мою диссертацию на дополнительное рецензирование в два разных учреждения, откуда были получены положительные рецензии. Мне задали несколько вопросов, ответы на которые, по всей видимости, удовлет-

ворили комиссию. Мне сообщили, что решение Диссертационного Совета Якутского госуниверситета по защите моей диссертации ВАК утвердила. Я был безмерно счастлив [*смеется*]. По возвращению домой стало известно, что отрицательная рецензия была отправлена из Новосибирска. Это давняя история. И свое начало она берет с тех послевоенных лет, когда Г.П. Башарин в неравной борьбе с рецидивом тоталитарного режима, со старой партократией и теми, кто ее поддерживал из числа исследователей Якутии, отстаивал свое право заниматься научным исследованием.

С.А.: Почему в Новосибирске были противники вашей защиты?

А.Г.: Скорее всего они были не согласны со взглядами Г.П. Башарина на историю дореволюционной Якутии и считали их ошибочными. А он мой руководитель. Разногласия прослеживались по многим узловым проблемам якутской истории. К примеру, на социально-экономические отношения у якутов до и после прихода русских на Среднюю Лену. Г.П. Башарин считал, что процесс разложения первобытно-общинного строя и зарождения элементов феодализма у якутов начался до прихода русских на Среднюю Лену. А с их приходом на протяжении XVII — нач. XX вв. у якутов складываются патриархально-феодальные отношения, характеризующиеся частной собственностью не только на скот, но и на землю. Его оппоненты придерживались т.н. «родовой теории» ссыльных народников В.Л. Серошевского, Л.Г. Левенталя и считали, что в Якутии указанного периода преобладали патриархально-родовые отношения. Большой отклик специалистов вызвала работа Г.П. Башарина, опубликованная в 1965 г. — «Обзор истории этнографии дореволюционной Якутии». В журнале «История СССР» три профессора Б.О. Долгих, А.И. Новгородов и С.А. Токарев опубликовали рецензию — «Письмо в редакцию», выразив несогласие с критикой работ некоторых авторов. Г.П. Башарин не оставил это письмо без ответа. Что интересно, почти все его оппоненты жили и работали за пределами Якутии, занимались монографическим исследованием аналогичных проблем и были крупными специалистами в своей области: С.А. Токарев, Б.О. Долгих, И.С. Гурвич, А.П. Окладников и др. В конечном счете я был рад, что Сергей Александрович Токарев меня поддержал.

С.А.: Расскажите пожалуйста, как вас поддержал Токарев?

А.Г.: У С.А. Токарева тема докторской диссертации — «Общественный строй якутов в XVII–XVIII вв.». Он хорошо знал историю Якутии, шаманство и верования якутов. С Токаревым мы не были знакомы, но в диссертации я дал достаточно объективную оценку его работ по ранним формам религии народов Сибири. Мою работу отправили в два разных научных учреждения, одним из которых был Институт этнографии АН СССР, где работал Сергей Александрович. Он дал положительную оценку и, наконец, диссертацию утвердили. Сергей Александрович Токарев является патриархом советской этнографии.

С.А.: О шаманизме тогда можно было писать? Было ли это проблематично с точки зрения идеологии?

А.Г.: Шаманизм — это вечная научная проблема. С точки зрения идеологической борьбы шаманство являлось проблемой в 1920–1930-е годы,

когда в стране шла борьба за утверждение новой идеологии — марксизма-ленинизма.

С.А.: Не было ли у вас сложностей в связи с этой темой?

А.Г.: Сложностей не было, так как я рассматривал шаманизм как научную проблему. Шаманство — это другое, как бы вторая скрытая натура человечества, проявляемая в редких случаях. Шаманы существовали издревле, чаще использовались для лечения людей. Но они предназначены были для большего.

С.А.: Вы общались с шаманами, когда писали диссертацию?

А.Г.: Нет, не приходилось. В советское время лечебная практика шаманов находилась под запретом, лечением занималась официальная медицина, кроме периода Великой Отечественной войны. В 1990-е годы было своего рода частичное возрождение шаманства, появились экстрасенсы.

С.А.: Коллеги мне рассказывали, что в Якутии впервые была проведена международная шаманская конференция, и вы были президентом этой конференции. Расскажите, пожалуйста, как она проходила.

А.Г.: Да, с 15 по 22 августа 1992 г. в Якутске проходила VIII Международная конференция по шаманизму. В работе конференции приняло участие свыше 150 человек, 47 из которых прибыли из-за рубежа. Обширное представительство отчасти объясняется возросшим интересом к внутренним неисследованным областям человеческой природы, стремлением осознать шаманизм как своеобразную ступень в развитии общемировой культуры. Название конференции «Шаманизм как религия: генезис, реконструкция, традиции» определило характер докладов, где наряду с научным обоснованием тематики некоторые докладчики говорили о возрождении отдельных сторон шаманства, их практическом применении в народной медицине. Новая власть в лице министерства культуры республики поддержала и оказала всяческую помощь в организации конференции.

С.А.: Как вам пришла идея провести такую конференцию?

А.Г.: Инициатором проведения конференции являлась кандидат исторических наук Аиза Петровна Решетникова, директор Музея музыки и фольклора. Идея проведения конференции возникла в музее, где мы, этнографы, периодически собирались: среди них были П.А. Слепцов, Е.Н. Романова. Мы и загорелись идеей проведения конференции по шаманизму. Это было время осмысления культурных традиций, их возрождения и обновления научных позиций.

С.А.: Это была идея встречи ученых и шаманов?

А.Г.: Скорее всего это была встреча ученых и людей, обладающих шаманским даром целительства — экстрасенсов. Тогда уже возникла такая потребность. Они с удовольствием приняли участие. Одна из них — Александра Константиновна Чиркова, дочь известного шамана, врач по профессии

и талантливый целитель, унаследовавшая шаманский дар от отца. Позже она написала о нем книгу — «Мой отец шаман».

На конференцию прибыло много ученых. Из российских ученых-этнографов в работе конференции приняли участие: из Москвы — В.Н. Басилов, Н.Л. Жуковская, из Ленинграда — Е.А. Алексеенко, В.П. Дьяконова, А.М. Решетов, Ч.М. Таксами, из Улан-Удэ — Б.Р. Зориктуев, Т.М. Михайлов, из Киргизии — И.Б. Молдобаев и др. Также приняли участие и ученые из дальнего зарубежья: из Японии — Л. Тадагава, С. Мацумото, П. Кнехт; из Кореи — Т. Ким; из США — Б. Брантон, М.М. Балзер, Т.Р. Миллер; из ФРГ — О. Родель, М. Оппитц, М. Анде; из Венгрии — М. Хоппал; из Франции — Ф. Морэн; из Канады — Б. Саладэн д'Англиер. Были приглашены известные экстрасенсы и одаренные целители со всей Якутии.

С.А.: Расскажите о ваших первых выездах в поле, кто был вашим наставником в полевой работе?

А.Г.: Моими наставниками в полевой работе были археологи Ю.А. Мочанов и С.А. Федосеева, в дальнейшем известные археологи Сибири, доктора исторических наук, авторы гипотезы внетропического происхождения человека. После первого курса летом я проходил у них полевую археологическую практику. Как было сказано выше, до моей экспедиции в Якутском университете функционировала другая археологическая экспедиция, которой руководил Н.Д. Архипов. На последних курсах университета я участвовал в этой экспедиции. Многим в своей работе я обязан ленинградской научной школе этнографии, представленной отделом народов Сибири Института этнографии и антропологии АН СССР и кафедрой этнографии и антропологии ЛГУ. У меня сложились прочные научные связи и теплые отношения с сотрудниками этого отдела: Ч.М. Таксами, В.П. Дьяконовой, Е.А. Алексеенко, Л.Р. Павлинской, Н.В. Ермоловой и В.И. Дьяченко, а также — с заведующим кафедрой этнографии и антропологии исторического факультета ЛГУ, д. и. н., профессором Рудольфом Фердинандовичем Итсом. Близким другом для меня был д. и. н., профессор кафедры археологии ЛГУ Дмитрий Глебович Савинов.

С.А.: Вы защитили диссертацию по историографии шаманизма и потом стали археологом. Как это произошло?

А.Г.: После защиты кандидатской диссертации и ее утверждения я организовал археолого-этнографическую экспедицию Якутского госуниверситета. Со снабжением и выделением транспорта дело обстояло неплохо. В процессе экспедиции мы вели раскопки ранних якутских поселений и занимались сбором полевых этнографических материалов. Цель исследования была связана с этногенезом якутского этноса. В общей сложности экспедиция проработала около 20 лет. Главный результат работы экспедиции — это открытие новой раннесредневековой археологической культуры, связанной с происхождением народа саха. По первому найденному опорному памятнику она получила название «Кулун-атахская». Это была культура скотоводов и коневодов, носителей производящей формы хозяйства в Якутии. В 1992 г. была защищена докторская диссертация на тему «Историческая этнография якутов: проблема этногенеза и формирование культуры».

С.А.: Ваша работа была основана на ваших полевых материалах?

А.Г.: Да, в моей диссертации все новое было связано с полевыми материалами. Поэтому возникло направление, которое получило название палеоэтнография, т.н. этнография, которая занимается происхождением этноса. Ее в советское время еще называли исторической этнографией. За годы работы мной подготовлено 18 кандидатов наук.

С.А.: В чем особенность вашего взгляда на теорию этногенеза якутов? Были ли точки зрения, с которыми вы спорили?

А.Г.: Археологи А. П. Окладников, И.В. Константинова и другие считали, что процесс формирования якутов происходил в верховьях р. Лены в XV–XVI вв., а на Среднюю Лену они прибывали несколькими этапами. Мои материалы позволили отодвинуть время появления первых скотоводов в Центральной Якутии на более ранние сроки и датировать рубежом XIII–XIV вв. Они и стали основой формирования народа саха. По нашему мнению, процесс формирования этноса саха происходил на территории Средней Лены, начиная с XIII–XIV вв. Согласно нашей концепции, до прихода на Среднюю Лену первых скотоводов здесь обитали тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские племена. А с прибытием сюда в XIII–XIV вв. первых скотоводов и их расселением на этой территории начинается процесс формирования самосознания этноса саха.

С.А.: А как определить, когда сложилось самосознание?

А.Г.: Самосознание формируется, как известно, при наличии общей территории, единого языка, единой культуры. Начиная с XIII–XIV в. здесь на Средней Лене у скотоводов шел процесс формирования единой территории, единого языка, единой материальной, духовной и социальной культуры. К приходу русских в начале XVII в. на огромной территории расселения якутов Вилюйского, Верхоянского, Среднеколымского округов и Центрального района все считали себя якутами, разговаривали на одном языке и различались только по родам. В результате этих процессов возникает самоназвание якутов — этноним «саха», и происходит формирование самосознания этноса.

С.А.: Расскажите пожалуйста, как складывалась якутская этнографическая школа?

А.Г.: Профессиональная этнография в Якутии начинается с работ Гавриила Васильевича Ксенофонтова. В 1920-х годах он занимался сбором материалов по шаманству и охватил большую территорию Якутии, Хакасии, Красноярского края и иркутских бурят.

Фактически этнография как наука начинает складываться со второй половины XIX в., когда сюда начали ссылать участников революционного движения в России: И.А. Худякова, В.Л. Серошевского, Н.А. Виташевского, В.Ф. Трошанского и др. В первой половине XX в. большое значение в становлении якутской этнографии сыграл Г.В. Ксенофонтов — крупный ученый-фольклорист и этнограф. Много сил в собирание фольклорного и этнографического материала с конца 1920-х годов вложили А.А. Саввин

и Д.И. Дьячковский (Сэһэн Боло). Благодаря таким собирателям якутская этнография получила дальнейшее развитие. На профессиональный уровень этнография поднялась в начале второй половины XX в. в трудах С.И. Николаева и Н.А. Алексеева, последний из которых стал первым дипломированным доктором исторических наук в области этнографии.

Следующий этап был связан с началом работы археолого-этнографической экспедиции Якутского госуниверситета под моим руководством. Экспедиция около 20 лет занималась раскопками поздних средневековых погребений и поселений на территории центральных районов республики. Тогда же нам удалось открыть новую археологическую культуру XIII — середины XVI в. на территории Центральной Якутии в Амгино-Ленском междуречье, получившую по первому опорному памятнику название «Кулун-атахская» археологическая культура. Носителями этой культуры являлись скотоводы и коневоды, заложившие основы сенокосно-пастбищного хозяйства с элементами пастушеского коневодства.

С.А.: Как шло дальнейшее развитие этнографической школы в Якутии?

А.Г.: Дальнейшее развитие этнографии связано с работами докторов исторических наук, этнографов Е.Н. Романовой и Р.И. Бравиной и на этносоциолога Д.Г. Брагиной. Они теоретически обогатили якутскую этнографию.

С.А.: Скажите, а тематика работ как-то менялась? Чем занимались этнографы в 1970-е и 1980-е годы? Было ли это связано с влиянием разных школ?

А.Г.: В эти годы этнографы занимались материальной и духовной культурой, этногенезом и этническими процессами. Последнее направление связано с этнодемографией, этносоциологией, происходило сращивание гуманитарных наук.

С.А.: Анатолий Игнатъевич, в одном интервью вы сказали, что этногенезом занимаются профессионалы и любители. Вы не могли бы рассказать, как соотносится профессиональная этнография в вопросах этногенеза, и какие есть любительские версии?

А.Г.: В 1990-е годы некоторые любители старины стали заниматься происхождением народов Якутии, собирать материалы, писать свои версии и публиковать, при этом приводя не вполне научные версии о происхождении народа.

С.А.: Причисляете ли вы себя к какой-то школе, направлению?

А.Г.: Причислить себя конкретно к какой-либо научной школе не могу, но испытывал влияние ленинградской школы этнографии.

С.А.: К теориям в нашей науке вы как относитесь, например, к теории этноса?

А.Г.: У каждого автора свое направление. В этом плане я традиционалист, придерживаюсь теории первой половины XIX в. Методы и теорию эволюционизма я принимаю и придерживаюсь до сих пор. Современные теории меня не сильно интересуют.

С.А.: Как вы оцениваете современное состояние науки в Якутии, есть ли востребованность в ней?

А.Г.: Якуты — народ небольшой, но достаточно образованный. Интерес к знаниям довольно высок. И это связано не только с доступностью информации. Если говорить о востребованности этнографических знаний, то он достаточно избирателен. Одни проблемы (происхождение этносов) пользуются большим, другие меньшим интересом.

С.А.: Какова была роль партии и коммунистической идеологии? Ощущалось ли давление?

А.Г.: Давления или, тем более, запретов каких-либо тем или направлений не было. Я не получал замечаний даже по теме о шаманстве, кроме как научных.

С.А.: Была ли цензура и что-то, что вы не могли написать в советское время?

А.Г.: Цензура в советское время была, но моей работы это не коснулось.

С.А.: Анатолий Игнатьевич, расскажите, пожалуйста, о ваших контактах с иностранными учеными.

А.Г.: На защиту моей диссертации официальным оппонентом, как я уже говорил, был приглашен заведующий кафедрой этнографии и антропологии исторического факультета ЛГУ Рудольф Фердинандович Итс. С тех пор мы стали поддерживать тесные научные связи с кафедрой. Трое выпускников-историков — активных участников нашей экспедиции: Р.И. Бравина, Ф.Ф. Васильев и П.А. Слепцов — прошли аспирантуру при кафедре этнографии и антропологии исторического факультета ЛГУ и успешно защитили кандидатские диссертации. Рудольф Фердинандович имел связи со многими зарубежными научными учреждениями, которые через него стали направлять к нам на кафедру своих сотрудников-стажеров.

В 1986 г. у меня на кафедре проходила стажировку Марджери Мандельштам Балзер из Колумбийского университета. Затем — Жан Каро, старший научный сотрудник Парижской национальной библиотеки, занимался переводом Олонхо. Общую стажировку проходила Фрэнсис Кули из Англии. В конце 1980-х годов Рудольф Фердинандович направил к нам на кафедру Пиерса Витебского из Кембриджского университет. Я познакомил его с профессором нашей кафедры А.Н. Алексеевым, он взял над ним шефство. Они продолжают работать до сих пор, в основном, по программе оленеводства и современной жизни малых народов Севера Якутии.

В последние десять лет в СВФУ работала совместная якутско-французская экспедиция, руководимая со стороны французов проф. Тулузского университета Эриком Крубези, со стороны нашего университета — проф. А.Н. Алексеевым (тогда ректором университета). В работе экспедиции в качестве консультантов принимали участие мои ученики, к. и. н. С.К. Колодезников и В.В. Попов. Со временем наше сотрудничество с Р.Ф. Итсом переросло в дружбу. Он

был прекрасным человеком и интересным собеседником, много рассказывал о своей жизни, как рано потерял отца, который был репрессирован, как они были разлучены с матерью, и он оказался в детском доме. Будучи эстонцем, он фактически не знал своего языка, поэтому не хотел возвращаться на родину. Рудольф Фердинандович прожил интересную, плодотворную жизнь. К глубокому сожалению, он скоропостижно скончался в расцвете творческих и жизненных сил в 1990 г. на 62-м году жизни.

С.А.: Как вы оцениваете то, что сейчас происходит в якутской этнографии?

А.Г.: Положительно. Все идет так, как и полагается. В Институте гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов, а также на историческом факультете СВФУ молодые ученые активно работают над разработкой перспективных тем в области этнологии и социальной антропологии, связанных с современным состоянием народа в социальном, экономическом, демографическом плане. Это направление — слияние родственных гуманитарных наук — берет начало еще в 1960–1970-е годы.

С.А. Большое спасибо за интересное интервью, Анатолий Игнатьевич!

Расшифровка текста — М.Э. Сысоева

Interview

Alymov S. S., Gogolev A. I. For an ethnographer, the field is the main source of studying past and present culture [Dlia etnografa pole iavliaetsia glavnyim istochnikom izucheniia proshloi i nastoiashchei kul'tury] *Anthropologies*, 2024, no 1, pp. 6–16, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2024-1/6-16>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Alymov S. S. | alymovs@mail.ru | <https://orcid.org/0000-0001-9988-9556> | Institute of Ethnology and Anthropology RAS, senior researcher

Abstract

In an interview, S.S. Alymov discusses with ethnographer A.I. Gogolev his intellectual biography and the development of ethnology in Yakutia. In the first part, A.I. Gogolev talks about his development as a scholar in the 1960–1970s. He pays great attention to his teachers and contacts with scholars in Moscow and Leningrad. Then, the interlocutors discuss the study of the ethnogenesis of the Yakuts, shamanism, the development of Yakut ethnology and cooperation with foreign anthropologists.

Keywords: history of anthropology, shamanism, ethnogenesis, Yakuts, A.I. Gogolev

